

Конкуренция в психоаналитическом профессиональном сообществе

16-17 декабря 2023 года прошла первая в Уральском регионе международная онлайн-конференция по групповому анализу, посвященная теме: «Вожаки стаи. Судьба власти в группе». Организаторами конференции выступали: Международная Школа Группового Анализа и секция группового анализа ЕАРПП РО-Екатеринбург.

В рамках конференции секцией группового анализа была проведена дискуссия на тему «Конкуренция в профессиональном сообществе». В статье представлены материалы дискуссии, объединяющие размышления двух разных авторов на эту тему.

Селивёрстова Анна Германовна

- Психолог-психоаналитик, групповой терапевт
- Член Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, ЕСРП (Vienna, Austria)
- Председатель орг. комитета секции группового анализа РО-Екатеринбург МОО ЕАРПП

Мельникова Лидия Викторовна

- Клинический психолог, психоаналитик, групповой терапевт
- Член Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии, ЕСРП (Vienna, Austria)

К СЧАСТЬЮ ИЛИ К СОЖАЛЕНИЮ, КОНКУРЕНЦИЯ ЕСТЬ.

Селивёрстова А.Г.

Одна из базовых человеческих потребностей — в социальных связях, и она признана удовлетворяться в обществе. В профессиональной организации, прежде всего, должна удовлетворяться потребность в рабочих связях.

Профессиональное сообщество предполагает наличие структуры, внутренней иерархии, где есть уровни, на которых пропорционально находится разное количество членов этой организации. Стремясь к объединению, которое дает чувство сопричастности, мы собираемся в одном месте, а значит, сталкиваемся и нам не избежать соперничества и конкуренции.

Большинство философов и экономистов рассматривают предположение, что иерархия — результат конкурентной борьбы — и в обществе этот миф активно эксплуатируется.

Важно обратить внимание на само понятие конкуренция. Существуют различные подходы к рассмотрению и толкованию этой формы социального взаимодействия (в экономике, в биологии, философии). Эти подходы объединены наличием антогонистичности (то есть противостояния).

В психологии конкуренция — это стремление индивидуумов достичь определенной цели, одновременно с попыткой превзойти других людей, которые также стремятся к этой цели. То есть конкуренция случается тогда, когда присутствует общая цель. У сообщества она прописана в уставе. У ее членов эти цели могут различаться. Более того, за внешней социальной целью может стоять глубинная (бессознательная) цель. Но раз мы боремся (сталкиваемся где-то в одном месте), то, следовательно, у нас есть единая цель, как внешняя, так и бессознательная.

От нас, психологов, требуется стремление сохранить аналитическую позицию, нейтральность и возможность исследования происходящего. Эти условия предъявляются в кабинете при непосредственной работе. И, чем лучше мы реализуем принципы внутри кабинета, тем мы эффективнее, логично предположить, что и более конкурентоспособнее в сообществе специалистов. Но ведь наша эффективность внутри кабинета и конкурентная деятельность в организации — это разные вещи.

Возможно, некоторые приходят в психологическую профессию именно для того, чтобы избежать конкуренции. Вернемся к мифу о том, что иерархия — это результат конкуренции. По этой логике отсутствие стремления участника сообщества к конкуренции может отменить идею самой иерархии.

Однако, по Фрейду, появление ребенка (или нового члена) в базовой группе (семье или сообществе) является, по умолчанию, конкурентным поведением. Ребенок вступает в борьбу одним фактом своего появления. Он вызывает дисбаланс в сформированной системе, забирает внимание. Если мы — рядовые члены организации — не имеем особых запросов на конкуренцию, то мы все равно являемся частью иерархии и тем самым боремся за лучшее место в ней.

Получается, нам не избежать конкуренции в профессиональном сообществе. Наше общее преимущество — осознанно не вытеснять эту тему.

О КОНКУРЕНЦИИ С РОДИТЕЛЬСКИМИ ФИГУРАМИ, ОТЦЕУБИЙСТВЕ И БРАТОУБИЙСТВЕ.

Мельникова Л.В.

Профессиональное сообщество — прекрасный плацдарм для проработки эдипова комплекса. Иерархия профессиональной организации, безусловно, дает толчок для оживления эдипального конфликта, который является естественной и важной стадией развития личности. Самая необходимая и горькая правда, которую ребенок усваивает при прохождении этого периода: то, что он — не взрослый, а чтобы стать взрослым, ему придется потрудиться. Придется приложить усилия, чтобы вырасти.

Молодой психоаналитик оказывается в схожей ситуации: начинающему специалисту для того, чтобы добиться признания и любви в профессиональной среде, тоже нужно вырасти. Получить специальную подготовку, пройти личный анализ, начать практику, погрузиться в научные исследования и т.п. Профсообщество дает хорошую возможность для этого. Есть статусные аналитики — идеализированные родительские фигуры, чьей благосклонности и поддержки добиваются молодые специалисты. Часто в этом сообществе присутствуют преподаватели, которые изначально открывали для специалиста тайны профессии. Вероятно, там находится и терапевт молодого аналитика. И, скорее всего, супервизора он выберет из того же сообщества. В этом кроются сложности: пересечения и переносы дают почву для разыгрывания и уследить за тем, как разворачивается эдипальный конфликт, бывает сложно даже опытным аналитикам.

Во-первых, сама ситуация, когда молодой коллега имеет возможность взаимодействовать со своим аналитиком не только в кабинете, таит в себе множество возможностей для отыгрываний.

Во-вторых, перенос формируется не только на терапевта, но и на другие идеализированные статусные фигуры, и часть динамики может разыгрываться в отношениях, где рамка соблюдается не так строго (например, с супервизором или преподавателем).

В-третьих, существует вероятность, что отыгрывать будет не только анализант, но и терапевт. Как бы нам ни хотелось соблюдать принцип нейтральности, это бывает затруднительно сделать даже в кабинете, не говоря уже о месте, где терапевт сам может находиться в ситуации конкурентной борьбы.

Последний вариант хотелось бы рассмотреть особенно внимательно, учитывая, что формирование профессиональной идентичности может напрямую зависеть от этого разыгрывания.

Что мы знаем об эдипальном конфликте? Он проходит в возрасте от 3 до 6 лет. В этот период ребенок начинает соперничать с родителем своего пола за внимание и любовь родителя противоположного пола. Ребенок стремится встать на один уровень с мамой или папой и занять, таким образом, партнерское положение. Именно это желание порождает внутренний конфликт, ведь ребенок занимает более низкую ступень в системе семейной иерархии. Для успешного прохождения этого конфликта, подрастающий человек должен проиграть в борьбе с родителем своего пола. Проиграть, но остаться с ощущением, что он не лишился родительской любви, и родители готовы заботиться о нем, помогать осваивать непростой путь взросления. Если в этот период ребенок будет

лишен опыта здоровой конкуренции с родителем (например, в силу незрелости самого родителя), то в дальнейшей жизни ребенок будет испытывать сложности в ситуациях, где требуется активность и соревновательность. Соперники могут отождествляться с кастрирующей родительской фигурой и вызывать сильные чувства страха, злости и обиды. Или ребенок останется с ощущением всемогущества и будет выстраивать все дальнейшие отношения по типу слияния, создавая ситуацию обоюдной зависимости.

Негативное разрешение эдипа происходит, если родитель занимает одну из следующих позиций:

- *Незрелая* родительская позиция. Вступая в конкуренцию с ребенком, родитель того же пола сам становится злым, жестоким ребенком, готовым убить соперника.
- *Отстраненная* родительская позиция — родитель обиженно удаляется из пары, сдавая свои позиции ребенку.
- *Чрезмерно контролирующая* позиция. Контроль может проявиться, как со стороны родителя того же пола (когда родитель вмешивается во все дела и начинания ребенка), так и со стороны родителя противоположного пола (когда родитель чрезмерно контролирует собственные либидинозные чувства по отношению к ребенку).

В профессиональном сообществе есть возможность для отыгрывания в рамках всех трех негативных сценариев. Если мы обратимся к мифологии и вспомним отца Эдипа, Лая, станет понятно, с чего начиналась эта история отцеубийства. А именно: со страха, который одолел Лая после предсказания оракула о том, что рожденный им сын убьет его. И этот страх заставил Лая бросить своего маленького сына в безлюдной местности со связанными ногами. Может ли терапевт, супервизор или учитель быть так напуган потенциалом молодого коллеги, что не сумеет избежать соблазна воспользоваться своей отцовской властью?

В книге «Конфликт, лидерство и идеология в группах и организациях» Отто Кернберга содержится глава под названием «30 методов подавления творческих способностей кандидатов в психоаналитики», где подробно рассматриваются способы кастрации в психоаналитическом сообществе. Похоже, проблема существует.

Наличие сестер и братьев в семье, согласно Адлеру, существенно усложняет ситуацию эдипова взаимодействия и усиливает долговременное воздействие эдипального конфликта на поведение вне семьи. Давайте сместим взгляд на sibлинговую конкуренцию, которая, безусловно, присутствует в любой группе. И, если вспомнить Джулиет Митчелл, механизм смещения играет не последнюю роль в выстраивании этих взаимоотношений. Мы, зачастую, проводим больше времени с братьями и сестрами, чем с родителями, когда растем. Неудивительно, что вся любовь и ненависть во взаимоотношениях с родителями переносится и разыгрывается в отношениях с sibлингами. Братство и сестринство дает нам одно из самых мощных коллективных переживаний, так как обеспечивает глубокое чувство идентичности, принадлежности и единения. Но вряд ли можно отрицать, что весь спектр отрицательных эмоций (ненависть, презрение, отвращение, пренебрежение и пр.) мы способны очень остро переживать в sibлинговых отношениях. И в этих отношениях можно действовать, реализуя эти чувства (в отличие от родительских).

Генри Абрамович в своем труде «Братья и сестры: миф и реальность» пишет, что сиблинги для выживания разрабатывают поляризованную идентичность — «если один будет плохо учиться, то другой будет учиться хорошо, если одна сестра считается красивой, то другая станет прилежной, если один будет любимцем матери, то другой станет любимцем отца или ничьим. <...> Каждый сиблинг формируется в тени другого, личность одного становится негативной идентичностью другого...». Будто каждый хочет сказать: «Я совсем не такой, как ты, а ты не смей быть таким как я». Каждый стремится занять свое особое место, свою нишу в семейной системе. Поляризация будет самой экстремальной для братьев и сестер с наибольшей достигаемостью, то есть одного пола и близких по возрасту, а значит, имеющих наибольшую потребность дифференцироваться друг от друга.

Профессиональное сообщество — не исключение, вероятно, именно с этим связано разнообразие методов и бесконечные споры о том, какой психоаналитический подход эффективнее.

Худшие случаи братского насилия, согласно Абрамовичу, происходят при трех условиях: сиблинги имеют сильно поляризованные идентичности (в случае профсообщества можно предположить, что это коллеги, которые учились вместе); кто-то один — любимчик и имеет особые льготы со стороны родителей; один из сиблингов чувствует себя преданным другим. Один чувствует публичное унижение со стороны родителя, в то время как другой остается тихим и пассивным наблюдателем.

На библейском примере Каина и Авеля можно видеть, насколько нестерпимым бывает унижение. Публично опозоренный сын, не имеющий возможности роптать на родителя, отыгрывается на том, кого любит родитель. Пожалуй, мы все довольно часто становимся свидетелями подобных эксцессов в жизни. И, наверняка, сможем вспомнить примеры профессиональных конфликтов. Этот конфликт от других всегда будет отличаться переход на личность. Чувства настолько яркие, что невозможно удержаться в профессиональном поле. Нужно уничтожить другого, лишить его ниши, места, профессиональной идентичности и личности. Это — место расколов и братоубийственных войн, когда выжить может только один.

Возвращаясь к теме конкуренции в профессиональном поле, хочется отметить, что это — всегда напряженное взаимодействие, связанное со сложными комплексными переживаниями и переносными чувствами. И чем лучше мы будем видеть и понимать убийственные чувства, сопровождающие этот процесс (неважно, в какой роли мы находимся — аналитика, с которым конкурирует его пациент; анализанта, который конкурирует со своим аналитиком; коллеги, проигрывающего конкуренцию своему товарищу), тем меньше вероятности отыграть это убийством, пусть и символическим.